

Рецензия на книгу /
Book Review

<https://elibrary.ru/UBCXEA>
УДК 821.161.1.0 + 025.173
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
76.02(4Фра)6

РОЛЬ М.Н. КАТКОВА В ПУБЛИКАЦИИ РОМАНОВ ТУРГЕНЕВА, ДОСТОЕВСКОГО И ТОЛСТОГО В «РУССКОМ ВЕСТНИКЕ»: ПОЛЕМИЧЕСКАЯ РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ СЮЗАН ФУССО

© 2025 г. Г.М. Ребель

*Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет, Пермь, Россия*

Дата поступления статьи: 15 января 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 марта 2025 г.

Дата публикации: 25 декабря 2025 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-438-459>

Аннотация: Данная статья сочетает в себе рецензию на книгу С. Фуссо «Катков.

Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого» и альтернативную исследовательскую интерпретацию того же историко-литературного материала. Автор монографии доказывает, что романы «Накануне», «Отцы и дети», «Преступление и наказание», «Бесы», «Анна Каренина» были не просто опубликованы в «Русском вестнике», но и созданы во многом благодаря Каткову. Однако уже отбор произведений вызывает вопросы, так как в «Русском вестнике» в рассматриваемый период публиковались и другие романы тех же авторов, о которых в монографии говорится лаконично и декларативно («Идиот», «Братья Карамазовы», «Война и мир») или не говорится совсем («Дым»), а также романы Н.С. Лескова, А.Ф. Писемского, А.К. Толстого и др. В статье указывается на фактологическую неточность историко-идеологического и культурологического комментариев к романам «Накануне» и «Анна Каренина», на искажение структуры (организации сюжета) и смыслов романов «Накануне» и «Отцы и дети». На эпистолярном материале продемонстрированы взаимоотношения автора и редактора как сугубо прагматические со стороны первого и политико-конъюнктурные со стороны второго. Анализ статей М.Н. Каткова о Тургеневе помогает опровергнуть как интерпретацию Фуссо романа «Отцы и дети», так и позицию Каткова относительно опубликованных в «Русском вестнике» романов Тургенева в целом. В итоге подход к творчеству Тургенева, Достоевского и Толстого как к осуществлению «политико-филологической программы» Каткова оценивается как научно некорректный.

Ключевые слова: Тургенев, Толстой, Достоевский, Катков, история создания произведения, история журнальной публикации, автор, редактор, цензура, роман, структура произведения, сюжет, герой в сюжете романа, «канон русского романа».

Информация об авторе: Галина Михайловна Ребель — доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, ул. Сибирская, д. 24, 614990 г. Пермь, Россия.
<https://orcid.org/0000-0001-6595-8859>

E-mail: ranilag@yandex.ru

Для цитирования: Ребель Г.М. Роль М.Н. Каткова в публикации романов Тургенева, Достоевского и Толстого в «Русском вестнике»: Полемическая рецензия на монографию Сюзан Фуссо // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 4. С. 438–459.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-438-459>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 4, 2025

THE ROLE OF M.N. KATKOV IN THE PUBLICATION OF NOVELS BY TURGENEV, DOSTOEVSKY AND TOLSTOY IN THE *RUSSKIY VESTNIK*: A POLEMICAL REVIEW OF SUSAN FUSO'S MONOGRAPH

© 2025. Galina M. Rebel

Perm State Humanitarian and Pedagogical University,
Perm, Russia

Received: January 15, 2025

Approved after reviewing: March 26, 2025

Date of publication: December 25, 2025

Abstract: This article combines a review of the book by Susanne Fusso, *Editing Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy. Mikhail Katkov and the Great Russian Novel* and an alternative research concept of the same historical and literary material. The author of the monograph claims that the novels of the named writers were not only published in the *Russkiy Vestnik*, but were also created largely thanks to Katkov. The concept is based on the material of the novels *On the Eve*, *Fathers and Sons*, *Crime and Punishment*, *Demons*, and *Anna Karenina*. However, the selection of material already raises questions, since in the *Russkiy Vestnik*, in addition to the named works, during the period under review, other novels by the same authors were published, which are mentioned in passing (*The Idiot*, *The Brothers Karamazov*, *War and Peace*) or not mentioned at all (*Smoke*), as well as novels by N.S. Leskov, A.F. Pisemsky, A.K. Tolstoy, and others. The article points out the factual inaccuracy of the historical-ideological and cultural commentary on the novels *On the Eve* and *Anna Karenina*, the distortion of the structure (organization of the plot), and the meanings of the novels *On the Eve* and *Fathers and Sons*. The epistolary material and censorship deletions from the magazine version of the novel *Smoke* demonstrate the relationship between the author and the editor as purely pragmatic on the part of the former and political and opportunistic on the part of the latter. The analysis of articles about Turgenev by M.N. Katkov is carried out as a refutation of Fusso's interpretation of the novel *Fathers and Sons* and Katkov's position regarding Turgenev's novels published in the *Russkiy Vestnik* in general. S. Fusso's crucial idea of Katkov as the creator of the "canon of the Russian novel" is refuted by alternative interpretations of the same material. The very approach to the works of Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy as the implementation of Katkov's "political-philological program" is interpreted as scientifically incorrect.

Keywords: Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky, Katkov, history of the creation of the work, history of magazine publication, author, editor, censorship, novel, structure of the work, plot, hero in the plot of the novel, "canon of the Russian novel."

Information about the author: Galina M. Rebel, DSc in Philology, Professor, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Sibirskaya St., 24, 614990 Perm, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-6595-8859>

E-mail: ranilag@yandex.ru

For citation: Rebel, G.M. "The Role of M.N. Katkov in the Publication of Novels by Turgenev, Dostoevsky, and Tolstoy in *Russkiy Vestnik*." *Studia Litterarum*, 2025, vol. 10, no. 4, pp. 438–459. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-438-459>

Настоящая статья представляет собой полемический отклик на книгу Сюзан Фуссо «Катков. Издатель романов Тургенева, Толстого и Достоевского» [15]¹. Жанр рецензии как отправного научного сюжета в данном случае совмещен с альтернативным, относительно предъявляемого Фуссо, исследовательским подходом к тому же материалу.

Это принципиально отличает данный материал от ранее опубликованных рецензий Н.Н. Подосокорского и Е.В. Переваловой на указанную монографию. Подосокорский сосредоточился преимущественно на осмыслении в книге Фуссо «непростых личных и рабочих взаимоотношений» [8, с. 239] Каткова с Ф.М. Достоевским. В детальной рецензии Переваловой «охарактеризована структура монографии, круг затронутых в ней вопросов, подчеркнуты наиболее удачные и оригинальные выводы автора, намечены перспективы дальнейших исследований» [7, с. 232]. Однако ни одна из этих рецензий не нацелена на анализ предлагаемых Сюзан Фуссо интерпретаций взаимодействия редактора и романистов в процессе публикации их произведений.

Между тем ключевая мысль монографии Фуссо, повторяемая многократно, состоит в следующем: редактор «Русского вестника» М.Н. Катков был не просто публикатором великих романов, а создателем «канона русской литературы» [15, с. 396], который, *при его непосредственном участии*, реализовали в своем творчестве Тургенев, Достоевский и Толстой. Это *непосредственное участие* и является предметом нашего рассмотрения.

1 Фуссо Сюзан. Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого. СПб.: Библиорос-сика, 2023. 436 с.

В сфере внимания исследовательницы пять произведений: «Накануне» и «Отцы и дети» И.С. Тургенева; «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф.М. Достоевского; «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Отправным пунктом и лейтмотивом рассуждения становится творчество Тургенева, по поводу которого для начала утверждается, что, «задумывая “Накануне”, Тургенев учитывал политические интересы “Русского вестника”» [15, с. 119]. Затем следует уточнение и дополнение: «...подобно тому как Тургенев, по-видимому, подгонял сюжеты “Накануне” и “Отцов и детей” под интересы Каткова и “Русского вестника”, Достоевский, судя по всему, изучал направление журнала, в частности труды Каткова, прежде чем в письме к Каткову в сентябре 1865 года завести речь о публикации “Преступления и наказания”» [15, с. 226]. Наконец, переходя к роману «Анна Каренина» и избавляясь от вводных оговорок, автор исследования утверждает: «Изначально в отношениях с Катковым и Тургенев, и Достоевский пытались приспособить концепцию своих романов к программе “Русского вестника”», и хотя «совершенно иначе обстоит дело с Толстым», однако и «Анна Каренина» «черпает повествовательную энергию из нападок на программу “Русского вестника” непосредственно на страницах “Русского вестника”» [15, с. 267, 269].

Поскольку тургеневская тема стала для книги Фуссо сквозной, к тому же именно Тургеневу — и только Тургеневу — посвящены три статьи самого Каткова, она выступает как основная в данной статье.

Итак, в монографии утверждается, что Тургенев «попытался адаптировать сюжет своего первого романа для “Русского вестника” к интересам Каткова, отраженным в его журнале», а именно — к публиковавшимся в 1858 г. материалам о «турецких делах» [15, с. 131, 126], что и легло, по мнению Фуссо, в основу сюжета романа «Накануне», который «строится вокруг борьбы болгар, славян и христиан, против их османских угнетателей» [15, с. 267]. Однако публицистические, как и любые другие источники художественного образа, никак не могут претендовать на соавторство в создании этого образа. Но главное, принципиальное возражение в данном случае состоит в том, что сюжет романа «Накануне» *не* «строится вокруг борьбы болгар <...> против их османских угнетателей». Эта борьба вообще не показана в романе (в чем Тургенева даже упрекала современная ему критика (см.: [2, с. 413])). Перспектива участия в борьбе против османского ига дана здесь

как мотивация поведения и стержень личности Инсарова — *героя* в высоком смысле этого слова. Сюжет романа строится как *выбор жениха* Еленой Стаховой, способный утолить ее «жажду деятельного добра», и далее — как их совместное с Инсаровым устремление навстречу реализации высокой миссии, разбивающееся о непредвиденные, не принимавшиеся ими обоими в расчет обстоятельства (см.: [10]). Готовность к самопожертвованию и реальная возможность в перспективе совершить подвиг отличает болгарина Инсарова от его русских соперников — *не героев*, но по-своему тоже вполне достойных людей, что отмечал уже Н.А. Добролюбов.

Рассуждение Фуссо о том, что «для всех, кто был в курсе забот Каткова в 1858 г., вопрос “Почему болгарин?” не требовал добролюбовского обращения к аллегории» [15, с. 133], звучит по меньшей мере странно, так как добролюбовская концепция задана самим романом, где ситуацию выбора Елены комментирует ее несостоявшийся жених Шубин: «Нет, кабы были между нами путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду! <...> Когда ж наша придет пора? Когда у нас народятся люди?» [23, т. 4, с. 278] На это и откликнется Добролюбов статьей «Когда же придет настоящий день?», которую, по прошествии почти тридцати лет, Тургенев признает «самою выдающеюся» [23, т. 9, с. 391].

Что же касается «забот» Каткова в 1858 г., то они были связаны с содержанием опубликованных в «Русском вестнике» материалов о «турецких делах», по поводу чего редактору даже пришлось объясняться со Святейшим Синодом, Московским цензурным комитетом и министерством народного просвещения, — однако они имели совершенно другую направленность, нежели ситуация, изображенная в «Накануне». В статьях болгарина Даскалова, подписанных буквой Д., речь шла о религиозных и социальных проблемах, суть которых подробно разъясняет в своей объяснительной записке Катков: «...дело идет о поборах, взимаемых с народа архиереями», т. е. представителями православной греческой церкви в Константинополе, в связи с чем «визирь настоятельно требует, чтобы налоги, взимаемые с народа в пользу духовенства были приведены в какую-либо систему и установлены раз навсегда. Патриарх отвечает на это разными увертками и великий визирь изобличает его в недобросовестности» [18, с. 91].

Есть в объяснительной записке Каткова и следующий аргумент против поступившего на «Русский вестник» доноса: «В докладе говорится

о каких-то ожесточенных двигателях умов болгарского народа. Можно подумать, что речь идет о каких-нибудь красных демагогах, о революционерах, посягающих на основы религии и общественного быта. Ничего подобного нет среди этого бедного, смиренного, загнанного народа. Эти ожесточенные двигатели, большею частью, скромные школьные учителя, воспитавшиеся преимущественно в наших университетах и вынесшие из них любовь к своей славянской народности, к своему родному языку. Не каких-либо радикальных переворотов, ни даже каких-либо обширных реформ домогаются эти двигатели, а простого снисхождения к угнетению народности и духовным требам своих соплеменников» [18, с. 95].

В романе «Накануне», во-первых, вообще не поднимаются религиозные вопросы; во-вторых, герой этого романа — болгарский *революционер*, вынашивающий планы именно *радикального переворота* в жизни своего народа, т. е. Тургенев делает акценты вовсе не на том, чем озабочен в 1858 г. Катков, а на том, что волновало и увлекало его самого, а именно — героические натуры донкихотского склада, борцы за национальную независимость, которую активно ведут не в 1853 г. (время действия романа), а в 1859 г. (время написания романа) итальянцы и поляки. Стремлению народов к национальному самоутверждению Тургенев сочувствует не только вчуже, но и деятельно. В марте 1859 г. он обращается к Александру II по поводу закрытия по «высочайшему повелению» издания «Слово» («Słowo»), выходившего в Петербурге на польском языке, и заключения в Петропавловскую крепость редактора Иосафата Огрызко — по мнению Тургенева, «лица невинного», «имевшего целью <...> соединение и примирение двух народностей» [24, т. 4, с. 398–399]. А в 1861 г. Тургенев пишет Елизавете Егоровне Ламберт, муж которой, генерал-лейтенант Карл Карлович Ламберт, был в это время наместником в Царстве Польском: «Поляки имеют право, как всякий народ, на отдельное существование» [24, т. 4, с. 346].

Это не только не совпадает с мнениями Каткова в 1858 г. и с вектором его дальнейшей публицистической деятельности, но находится в прямом конфликте с ними. Правда, до 1863 г. (год польского восстания) националистическое чувство Каткова еще спит, а вот либеральная, гуманистическая установка Тургенева уже налицо.

«Отцы и дети» в монографии Фуссо подвергаются еще более жесткой деформации. Утверждая, что, с точки зрения художественности, роман

«кажется несколько плоским, схематичным по сравнению с более поздними произведениями Толстого и Достоевского» [15, с. 161], Фуссо нарочито упрощает, схематизирует и искажает смысл произведения, подверстывая его под комедийную схему Нортропа Фрая. Для этого Базаров превращается в «блокирующего персонажа» [15, с. 158–159], после смерти которого якобы происходит «разблокировка», а именно — «двойная свадьба» отца и сына Кирсановых. Странно, но приходится объяснять: Базаров никоим образом не мешал Николаю Петровичу жениться на Фенечке, препятствием в данном случае было неверно понятое младшим братом поведение Павла Петровича; что же касается брака Аркадия с Катей, то именно Базаров, в сущности, благословил молодых, посоветовав сделать то же самое Одинцовой и одновременно освободив Аркадия от себя, понимая, что у «ученика» другой характер и другая судьба. К тому же «двойную свадьбу» вряд ли можно назвать «завершающей развернутой сценой романа» [15, с. 160], этот эпизод лишь часть послесловия, в котором лаконично описаны дальнейшие судьбы героев перед финальной сценой на кладбище — трагическим аккордом, содержательно и эмоционально затмевающим все сказанное ранее в заключительной главе — как затмевал Базаров остальных героев на протяжении всего повествования.

Не считается автором монографии и филигранный психологический рисунок Тургенева, примером чему является следующий комментарий: «...в сцене, где впервые появляется термин “нигилизм”, он [Тургенев] выявляет “ничтожество” философии радикалов тем, что Николай Петрович Кирсанов говорит: “Нигилист <...> — это от латинского *nihil*, *ничего*, сколько я могу судить”» [15, с. 137]. Цитата оборвана на полуслове, между тем Николай Петрович не утверждает, а спрашивает — с заминкой, размышляя, пытаясь понять: «...стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает?» [23, т. 7, с. 25]. Далее в диалог вступают Павел Петрович и Аркадий, предлагая каждый свою трактовку, термин проблематизируется, и сюжет разворачивается как ответ на вопрос, поставленный Кирсановым-старшим: «Ну, а сам господин Базаров, собственно, что такое?» [23, т. 7, с. 25]. Базаровский нигилизм — явление гораздо более широкого и сложного характера, нежели то значение, которое после выхода романа закрепилося за термином в общественно-политическом поле (см.: [9]). Фигура главного героя «Отцов и детей» не укладывается ни в какие жесткие рамки и

по ходу сюжета усложняется и вырастает до масштабов трагической. И если уж воспользоваться типологией Фрая, то следует обратиться к другому его определению: «В сюжетно-изобразительных произведениях мы выделили две основные тенденции — “комическую”, связанную с интеграцией героя в общество, и “трагическую”, предполагающую его изоляцию» [14, с. 44]. Об интеграции Базарова в обществе говорить не приходится, он одинок в своем вызове как обществу, так и самой природе. Базаров описывается не навязанной и совершенно несвойственной ему ролью «блокировщика», а другой формулой Фрая: «Трагический герой должен соответствовать представлениям о героическом; при этом поражение героя обусловлено как его отношением к обществу, так и его подчиненностью силам природы — и это порождает иронию» [14, с. 12]. О поражении думает, умирая, сам Базаров: «Я нужен России... Нет, видно, не нужен» [23, т. 7, с. 183]; его безвременный уход — словно приговор рока в ответ на самонадеянную дерзость: «А что касается до времени — отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня» [23, т. 7, с. 34]. Что же касается иронии, то если она и есть в финале романа, то очень горькая, самим же Базаровым заданная и лишь риторически смягченная заключительными строками «о вечном примирении и о жизни бесконечной» [23, т. 7, с. 188].

Субъективное, редуцированное восприятие Базарова, представленное в монографии Фуссо, игнорирует содержание не только самого романа, но и многочисленных статей и научных работ о нем, включая публикации Каткова, чрезвычайно интересные в рамках нашей темы.

В статье 1973 г. В. Кантор утверждал, что Катков «выступает с чисто публицистическим прочтением романа. Его интересует не эстетическая сторона тургеневского произведения, а возможность, опираясь на истолкованные под определенным углом образы романа, нанести удар русскому “нигилизму”» [5, с. 200–201]. Однако Катков написал о тургеневском романе не одну, а две статьи, которые разительно отличаются друг от друга.

Первая — «Роман Тургенева и его критики» («Русский вестник», 1862, № 5) — представляет собой добротный литературно-критический анализ «Отцов и детей» и опубликованных ранее в других изданиях критических откликов на роман. Катков дает «Отцам и детям» очень высокую общую оценку: «...все в этом произведении свидетельствует о созревшей силе этого первоклассного таланта» [21]. В качестве литературного критика

он демонстрирует понимание художнической чуткости автора к «текущему моменту»; отмечает «значение непосредственной действующей силы» романа на современников: «взятое из текущей жизни, оно снова входит в нее и производит во все стороны сильное практическое действие, какое едва ли когда производило у нас литературное произведение» [21]. Дельные характеристики даются персонажам: Базаров — «герой», «существо более или менее исключительное»; Аркадий — «очень хороший, очень привлекательный тип» — «не *хищный*, — но это слава богу, в этом его достоинство»; ««ситниковы» носят на лбу своем признаки пошлости и ничтожества» [21].

Задаваясь вопросом, «верен ли тип, изображенный в Базарове? Есть ли истина в замысле этого типа? Точно ли представлено в нем нечто действительное?» [21], Катков отвечает на него, анализируя «произведенное им действие», — а именно реакцию М.А. Антоновича и Д.И. Писарева. Из разногласия между людьми, исповедующими один символ веры, Катков в очередной раз делает вывод: «Болезненные вопли критика “Современника” и восторженные ликования критика “Русского слова” сливаются в один звук и равномерно свидетельствуют о силе художника и об успехе его произведения» [21].

Опубликованная анонимно, статья имеет открытый финал, ибо завершается вопросом о природе и характере «впечатления силы» Базарова, чему автор намеревается посвятить следующую публикацию.

19 июля 1862 г. Тургенев пишет Каткову: «Не могу не сказать Вам, хотя собственно дело до меня касается, как мне понравилась Ваша статья о моем романе; впрочем, я полагаю, Вы должны были слышать похвалы отовсюду. С нетерпением ожидаю второй половины» [24, т. 5, с. 96].

Однако вторая половина кардинально отличается от первой, что зафиксировано уже в названии: «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» («Русский вестник», 1862, № 7). Другая тема, другой ракурс, в рамках которого роман из предмета анализа превращается в повод для размышлений на общественно-политическую тему с целью «уловить и обозначить типические черты летучего явления нашей современной общественной среды» [20].

Вторая статья написана в совершенно другом стиле, так что поначалу даже закрадывается подозрение, что и другим автором. Ерническое, нарочито искаженное изложение первых страниц романа с придуманными,

невозможными в романе диалогами, с язвительной иронией по поводу научных опытов Базарова, дабы подвести читателя к выводу, что «наука здесь не есть что-либо серьезное и ее надобно сложить со счетов» [20]. Попутно следует уничтожение естественных наук как таковых, ибо они, по мнению автора статьи, «общедоступны и просты, они школят мысль», но «отказы-ваются от преследования первых причин и сущности вещей» [20].

Любопытное свидетельство на сей счет содержится в воспоминаниях Н.А. Любимова о Каткове: «Его сведения в области естествознания были крайне ограничены и область эта не возбуждала в нем значительного интереса <...>. Когда в одной из моих статей я привел слова Араго о Ньюtone: “я считаю Ньютона величайшим гением всех времен и всех стран”, Михаил Никифорович выпустил эту фразу, видя в ней преувеличение и не допуская, чтобы естествоиспытатель мог быть поставлен впереди гениев человечества, великих в других областях» [18, с. 39].

Первая часть второй статьи Каткова странным образом напоминает столь точно и жестко раскритикованную им ранее атаку на Базарова Антоновича, но в данном случае это только разминка перед сражением, которое Катков дает тургеневскому герою и воплощенному в нем явлению нигилизма. По мнению Каткова, Базаров и его единомышленники вообще не о науке хлопочут: «...мы не исследователи, не испытатели — <...> мы мудрецы и вероучители. Мы проповедуем религию нигилизма, мы *отрицаем*: вот наше назначение, наша гордость и слава» [20]. Самый этот нигилизм, по Каткову, не плодотворное научное сомнение, не дело мысли, а «признак отсутствия всякого интереса мысли и знания» [20]. Во всех своих проявлениях, и в добродушном Аркадии, и в пошлых Ситникове и Кукшиной, нигилизм — это *пустота*. И в Базарове он — пустота: «фраза», «совершеннейшее праздномыслие и пустословие», от которых героя спасает «единственно только <...> доза натурального яда, которая сообщает жизненный румянец его мысли» [20]. Между тем базаровский нигилизм есть другой, чуждый Каткову и близкий самому Тургеневу способ мышления, который через несколько десятков лет предъявит в своем творчестве А.П. Чехов (см.: [12]).

Еще раз подчеркнем: эта статья Каткова не разбор романа, а народное выпрямление романских смыслов в идеологически заданном направлении и одновременно — операция по *обезвреживанию* Базарова, ибо, как сказано в предыдущей статье, «личность его производит самое выгодное

для него впечатление» [21]. Подозревая, что такой неординарный герой, столь мастерски предъявленный большим художником, может оказать сильное влияние на читателей, Катков стремится этот эффект ослабить, нивелировать или, по крайней мере, послать обществу сигнал о надвигающейся опасности, для чего и выносит в лице Базарова приговор нигилизму как *пустоте*, которой можно и должно противодействовать «усилением всех положительных интересов общественной жизни» [20]. Это рецепт 1862 г., позже нигилизм будет трактоваться Катковым гораздо жестче («Государственная измена — вот корень нашего нигилизма, и из государственной же измены он всегда почерпал свою силу» [19]) и предлагаемые им меры противодействия будут радикальными.

Тем не менее, несмотря на ерническое начало второй статьи и ее сугубо политическое продолжение, в целом оценки Каткова никак не согласуются с оценками Фуссо, которая из своих предвзятых суждений об «Отцах и детях» сделала вывод, что «оба литератора», т. е. Тургенев и Катков, в 1861 г. «думали о молодых радикалах в одном и том же ключе» [15, с. 137], ссылаясь при этом на статью В. Архипова 1958 г., хотя, руководствуясь методой Фуссо, на основании этой статьи советчиком и едва ли не соавтором Тургенева следовало бы объявить не Каткова, а П.В. Анненкова.

В любом случае, политик и художник по определению думают по-разному. Сколь бы велика ни была «непреодолимая потребность» политика «быть соавтором, использовать чужие дарования в угоду своей политической линии» [15, с. 116], художник и искусство ему не подвластны, о чем и свидетельствует история взаимоотношений Каткова не только с Тургеневым и Толстым, но и с более близким ему идеологически Достоевским, которому Тургенев в декабре 1861 г. сообщал: «...я по многим причинам хотел отложить печатание до весны; но купец настойчиво требует запроданный товар — нечего делать — приходится его спускать *tel quel*» [24, т. 4, с. 393].

Вот здесь и содержится характеристика отношений писателя — Тургенева, и Толстого, и Достоевского — с издателем Катковым, который, несомненно, был успешным и разворотливым «купцом», прекрасно понимавшим то, о чем писала в том же 1861 г. Тургеневу Е.В. Салиас де Турнемир: «...у Каткова сотрудников мало — он дорожит оставшимися и тем более Вами. Ведь романистов нет, и лучше Вас никто романы не пишет — ведь Вы знаете это» [24, т. 4, с. 623].

Показательно, что автор монографии, безо всяких объяснений, исключила из сферы своего внимания третий из появившихся в «Русском вестнике» романов Тургенева — «Дым» (1867), хотя процесс его публикации вновь связан с Катковым, но — опять-таки не в том ключе, которым пытается заново открыть историю литературного процесса второй половины XIX в. Сюзан Фуссо.

После выхода «Отцов и детей», а затем и событий 1863 г. отношение Тургенева к Каткову, и ранее не бывшее доверительным, заметно ухудшилось. В письме к Анненкову от 1 апреля 1864 г. он сетует на то, что не знает, где опубликовать даже маленькую повесть «Собака», уточняя при этом: «Я Каткову должен 300 руб., но я решительно не хочу у него печататься и, нечего делать, вышлю ему деньги» [24, т. 6, с. 7]. Однако в 1866 г., в покрытие долга и в расчете на новый заработок, Тургенев предлагает Каткову задуманный еще в 1864 г. и активно пишущийся новый роман. При этом в письме к редактору «Русского вестника» от 9 сентября 1866 г. оговаривается авторский контроль над ходом публикации: «...мне очень было бы важно самому держать корректуру» [24, т. 7, с. 60]. Для этого Тургенев приезжает в Москву, где в конце февраля 1867 г. состоялось домашнее чтение рукописи романа «Дым», о чем сообщается в письме к Полине Виардо: «Вчера вечером я начал свои чтения в присутствии Боткина, Анненкова и некоего г-на Маркевича, которого вы не знаете, и друга Виардо, графа Соллогуба <...>. За исключением одной главы, которую Анненков посоветовал мне переделать (пикник генералов) — ввиду некоторой утрированности ее тона <...> обо всех остальных я слышал только комплименты; даже больше того: видел на всех лицах, в особенности же старины Боткина, выражение удовольствия, смешанного с изумлением, и это было мне очень приятно» [24, т. 7, с. 122–123]. «Некий г-н Маркевич» — Б.М. Маркевич — попал на домашнее чтение в качестве «агента» «Русского вестника», в редакции которого состоял. Отрывки его отзыва о «Нови» из письма Каткову приводятся в комментариях к роману (см.: [23, т. 7, с. 522–523]), но в них выпущены важные фразы, которые содержат не только высокую оценку нового романа Тургенева («Поздравляю “Русский вестник” с этим приобретением»), но и свидетельство того, что содержание «приобретения» Каткову неизвестно: «Сами прочтете, посудите»².

2 Полный текст письма Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 28 февраля 1867 г. был предьявлен в презентации к докладу В.А. Лукиной на Тургеневском семинаре в Пушкинском доме (ИРЛИ) РАН.

Сложности, как и в прошлый раз, возникли уже на стадии правки набранного текста: «Новая беда, — пишет Тургенев Полине Виардо 28 марта 1867 г., — г. Катков создает такие большие затруднения моему злосчастному роману, что я начинаю сомневаться, можно ли будет опубликовать роман в его журнале <...>. Г-н Катков во что бы то ни стало хочет сделать из Ирины добродетельную матрону, а из всех генералов и фигурирующих в моем романе прочих господ — примерных граждан; как видите, мы далеки от того, чтобы столкнуться. Я сделал некоторые уступки — но сегодня кончил тем, что сказал: “Довольно!” — Посмотрим, уступит ли он» [24, т. 7, с. 277–278].

В статье В. Кантора о Каткове 2019 г., где отношение к редактору «Русского вестника», сравнительно с цитировавшейся выше его же статьей 1973 г., меняется на противоположное, а оппоненты Каткова фигурируют в качестве «так называемой свободомыслящей клаки» [4, с. 16], в частности, указывается, что в романе «Дым» «писатель изобразил зарубежную радикальную клоаку», «эмигрантскую шайку людей вне закона, разбойников (outlaw) со своими сварами, с атаманом — Губаревым, который воображает себя героем и мыслителем» [4, с. 28, 29]. В образе Губарева Кантор усматривает пародию на Огарева и Герцена, однако не упоминает тот факт, что пародийно в этом романе изображены и аристократы-консерваторы, во главе с генералом Ратмировым, чья биография «фактически была изъята из текста романа, напечатанного в “Русском вестнике”» (<Кийко Е.И.> [23, т. 7, с. 525]). В восстановленном впоследствии фрагменте о несостоявшемся в качестве «примерного гражданина» генерале Ратмирове сказано, что он владел «искусством фамильярно-почтительного обращения с высшими, грустно-ласкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма... Этот либерализм не помешал ему, однако, перепороть пятьдесят человек крестьян в взбунтовавшемся белорусском селении, куда его послали для усмирения» [23, т. 7, с. 316]. У Ратмирова тоже был прототип: Алексей Петрович Ахматов, генерал-адъютант, занимавший в 1862–1865 гг. пост обер-прокурора синода, о котором в письме к Герцену от 26 декабря 1857 г. Тургенев сообщал: «Этот господин <...> сладкий, учтивый, богомольный — и засекающий на следствиях крестьян, не возвышая голоса и не снимая перчаток» [24, т. 7, с. 512].

Очевидно, что катковская цензура в данном случае носила конъюнктурный политический характер, представляла собой принудительное вме-

шательство в авторский текст на последнем этапе подготовки к публикации и ни о каком творческом сотрудничестве автора с редактором, тем более единомыслии, говорить не приходится.

Хорошо известно еще более грубое, бесцеремонное вмешательство Каткова в процесс публикации «Анны Карениной» — демонстративный публичный отказ от печатания эпилога из-за неприятия изложенной в нем позиции Толстого по участию русских добровольцев в событиях на Балканах. Фуссо пытается и в данном случае искусственно реконструировать творческое взаимодействие, навязывая Толстому полемику с публикациями «Русского вестника» в качестве источника «повествовательной энергии» [15, с. 269], утверждая, что «спор — это все же диалог» [15, с. 332], однако из этой казуистики отнюдь не следует вывод о влиянии редактора на конечный продукт.

И даже Достоевского, который в ряде вопросов был единомышленником редактора «Русского вестника», никак не получается превратить в реализатора катковской «политико-филологической программы» [15, с. 9].

Если изложенный в письме к Каткову в сентябре 1865 г. проект будущего романа «Преступление и наказание» и созвучен «антинигилистическому походу» Каткова, на что, возможно, действительно, в этот момент рассчитывал Достоевский, то итоговый вариант романа к этой схеме совершенно не сводится. В.П. Гроссман, на которого ссылается Фуссо, назвавший первоначальный план Достоевского «гениальным», сам же и указал на теорию бальзаковского Растиньяка как на один из первоисточников этого плана [3, с. 350]. Ранние наброски, включая и изложенный в письме к Каткову проект, — это, по выражению того же Гроссмана, еще «первые, как бы намеренно дребезжащие, ноты романа» [3, с. 341].

Предлагаемые Фуссо трактовки «Преступления и наказания» носят опять-таки вольный, даже произвольный характер. «Страдающего» (по Страхову³) Раскольникова Фуссо превращает в сомневающегося (по Каткову⁴) и делает из этого вывод о «притягательной сложности характера Раскольникова» [15, с. 242], чего, по ее мнению, лишен Базаров. Между

3 «Итак, в первый раз перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий» [13].

4 «...Сомнение ни полагает, ни отрицает; сомнение, настоящее, истинное сомнение, допускает возможность противоположных решений. А где допускается возможность противоположных решений, там, значит, не принято решение ни в ту, ни в другую сторону» [20].

тем осуществленное нами сопоставление этих героев безусловно говорит в пользу Базарова (см.: [9]). Не вдаваясь в подробности, заметим: *страдающий* и *сомневающийся* — разные состояния. Страдает человеческое естество Раскольников, но теоретик в нем маниакально тверд. В состоянии сомнения в *идее* мы его вообще не увидим, в финале свою теорию он просто отрицет, приняв взамен другую, «Сонину»: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями?» [17, т. 6, с. 422].

Что касается подвергшейся правке четвертой главы четвертой части романа, то какой именно «другой колорит» [17, т. 28(2), с. 164] был, по настоянию редакторов «Русского вестника», придан чтению Евангелия, неизвестно. В любом случае это были очередные цензурные вмешательства, так же как результатом редакторской цензуры стало исключение из журнальной публикации романа «Бесы» главы «У Тихона». Фуссо усматривает причину в том, что этот «скандальный и потенциально привлекающий читательское внимание» эпизод «вызвал бы бурную дискуссию, лишь косвенно связанную с политикой и осложнил бы его [романа] классификацию как стандартного антинигилистического произведения» [15, с. 261]. Однако «стандартным антинигилистическим произведением» роман Достоевского не является и без исповеди Ставрогина, что же касается главы «У Тихона», то в ней предьявлен именно нигилизм — в варианте крайнего, предельного, преступного аморализма. В романе в целом (и с главой «У Тихона», и без нее), как нам уже приходилось писать, Ставрогин — это «зловеще преобразенная фигура тургеневского Базарова» [11, с. 191], «черная дыра» [11, с. 206], та самая абсолютная *пустота*, которую Катков неправомерно вменял Базарову и которую герой Достоевского сам за собой признает: «...из меня вылилось одно отрицание <...>. Даже отрицания не вылилось» [17, т. 10, с. 514].

Мы уже обратили внимание на необоснованную избирательность автора рецензируемой монографии по отношению к опубликованным в «Русском вестнике» романам Тургенева. Но и из четырех романов Достоевского предметом рассмотрения становятся только два. По поводу романа «Идиот» Фуссо оговаривается, что не располагает «документальными подтверждениями каких-либо серьезных проблем с публикацией», и добавляет, что «Идиот» «и не имел такого большого успеха у публики, как “Преступление и наказание”» [15, с. 252]. Какое отношение имеет успех или неуспех у публики

к заявленной в монографии теме, непонятно. Что касается взаимодействия автора и редактора на стадии написания и публикации «Идиота», то на сей счет есть множество важных эпистолярных свидетельств. Достоевский был связан крайне ограниченными сроками и денежными обязательствами, так как перед отъездом за границу получил у Каткова «большую сумму вперед», а осенью 1867 г. обратился к Каткову «с просьбой о ежемесячных денежных присылках в счет будущего романа» (<И.А. Битюгова>, см.: [17, т. 9, с. 357]). «Купец» выдавал деньги под обещание своевременной присылки очередной части, а «заемщик», одержимый страстью к рулетке, страдающий от приступов эпилепсии и чувства вины перед молодой женой, писал не только по вдохновению, но и под гнетом взятых на себя обязательств и полученных под них средств. Однако такой формат отношений писателя и редактора не вписывается в концепцию автора монографии, хотя попутно в ней указывается, что «Катков никогда не платил Достоевскому столько, сколько получали у него Толстой и Тургенев, и уж точно никогда не платил столько, сколько хотел сам писатель⁵, но тем не менее Достоевский так и не смог найти другого издателя, который бы поддерживал его текущую работу так же последовательно, как и Катков» [15, с. 235].

Возвращение в «Русский вестник» с «Братьями Карамазовыми», после того как Достоевский «отошел от партнерства с Катковым» и опубликовал «Подросток» в «Отечественных записках», с точки зрения Фуссо, «ознаменовалось его самым весомым и, возможно, самым долговечным вкладом в канон русской и мировой литературы» [15, с. 265], что подразумевает плодотворное влияние Каткова, хотя вся переписка от лица редакции по поводу «Братьев Карамазовых» ведется Любимовым, на которого Катков полностью переложил обязанности по литературной части.

По поводу романа Толстого «Война и мир», первые главы которого под названием «Тысяча восемьсот пятый год» появились в «Русском вестнике» в начале 1865 г., в монографии Фуссо лаконично и безапелляционно утверждается: «Легко увидеть, насколько “Война и мир” соответствует русской национальной программе Каткова: объемный, внушительный по размеру и размаху роман как будто специально создан для развития национального “самосознания”, к которому Катков призывал в своих первых

⁵ Эта ситуация изменится в процессе публикации романа «Братья Карамазовы», за который Достоевский получит столько, сколько просил.

статьях о Пушкине» [15, с. 35]. То, что это принципиально другой тип национального самосознания, нежели катковский вариант, Фуссо не признает.

Легко увидеть все то, на чем настаивает автор монографии, не получается, мешает целый ряд обстоятельств.

Во-первых, избирательно-произвольный отбор материала для анализа, из которого исключены не только отдельные произведения названных писателей, но и романы других авторов «Русского вестника».

Во-вторых, характер аргументации — моментами сугубо декларативной, часто искажающей содержание художественных произведений, искусственно подгоняющей сюжеты и образный мир романов под заданную концепцию.

В-третьих, некорректность самой постановки вопроса, согласно которой «в России второй половины XIX века, по крайней мере во вселенной Каткова, написание романов было еще слишком значимо, чтобы полностью оставить его на произвол романистов» [15, с. 396]. Многократно критически упоминая советскую практику ангажированного подхода к литературе, Фуссо демонстрирует едва ли не большую ангажированность. Если в программной для советской литературы статье «Партийная организация и партийная литература» исключалась возможность публикации беспартийных сочинений в партийных изданиях, то Сюзан Фуссо вообще отказывает писателям в способности полноценно реализоваться без участия «могущественного мецената/редактора Каткова в оформлении того, что они написали» [15, с. 396]. Если бы подразумевался только материально-публикационный вклад, можно было бы воздать должное успешному редактору, но от катковского цензурного «оформления» писателям приходилось избавляться при подготовке романов к отдельным изданиям.

И, наконец, последнее: о какой «политико-филологической программе» Каткова идет речь на протяжении всей монографии? Каковы положения этой программы? Что собой представляет «канон русской литературы», в формировании которого редактор «Русского вестника» якобы принял участие?

Единственный намек на «программу» содержится в следующем пассаже: солидаризируясь с Катковым в его негативном отношении к «пушкинским экспериментам в прозе», с чем никогда не согласились бы ни Тургенев, ни Достоевский, ни Толстой, Фуссо ретроспективно *вменяет* Каткову некие

общие руководящие установки: «Катков, *очевидно* [курсив мой. — Г.Р.], призывает к созданию большого романа со сложным переплетением психологических, политических и философских мотивов, — того романа, который должен был стать доминирующей формой русской литературы» [15, с. 21].

Между тем динамика отношений Каткова с литераторами и литературой свидетельствует о том, что в деятельности Каткова-редактора политика и его собственная роль в ней вытеснили литературу как предмет научного интереса уже в начале 1860-х гг. Опубликовавший в «Русском вестнике» три остро актуальных и невероятно популярных романа Тургенева, вызвавших множество критических откликов, в том числе две его собственные статьи, Катков, как показано выше, уже во второй статье об «Отцах и детях» перевел разговор в социально-политическое русло. Впоследствии он и вовсе перечеркнул соответствующий тип романа и свое «участие» в его создании, дабы свести с Тургеневым счеты в некрологе, где значение творчества писателя редуцируется до «чистой художественности» [22], сторонником которой Катков всегда и был. Во всем остальном, включая и редакторскую деятельность, он оставался прежде всего и главным образом «государственным публицистом» [18, с. 15], или, как он сам себя называл, «государственным сторожевым псом, охраняющим достояние Хозяина и чующим, если в доме что-нибудь не ладно» [18, с. 16].

В апологетической и при этом очень информативной книге воспоминаний о Каткове его единомышленника и преданного соратника Н.А. Любимова есть чрезвычайно интересное наблюдение: «Мир, в котором жил Михаил Никифорович, не был тот мир, который в данную минуту непосредственно окружал его в действительности. Это было заметно даже в особенностях его неопределенного взора, который делал впечатление на всех, его знавших, как нечто оригинальное, ему принадлежавшее⁶. Он имел обыкновенно дело не с людьми и вещами в их реальной полноте существования, а с образами людей и вещей, как стояли они пред его могущественным умственным прозрением, при освещении той или другой мысли, всецело поглощавшей его в данную минуту. Двум мыслям зараз он отдаваться не мог,

6 Об этом взгляде задолго до Любимова, 6 февраля 1843 г., В.Г. Белинский писал В.П. Боткину: «Знатный субъект для психологических наблюдений. Это — Хлестаков в немецком вкусе. Я теперь понял, отчего во время самого разгара моей мнимой к нему дружбы меня дико поражали его зеленые стеклянные глаза» [16, с. 131].

в этом было одно из условий его силы. Чтобы быть с ним в тесном общении, быть без усилия услышанным, вполне понятым, требовалось войти в этот мир, оставив, забыв за порогом большую часть самого себя» [18, с. 22].

В политике это приводило к тому, что «пламенная фантазия Каткова» рисовала «картину обширного комплота, в котором участвует и полонизм, и нигилизм, и которым чуть ли не руководят враждебные Каткову государственные чиновники» [6, с. 252].

Литературе с 1862 г. Катков отводил роль «чистого искусства» или подспорья в постановке социальных диагнозов и орудия в идеологической борьбе. Катков прекрасно знал и понимал, что Тургенев далеко не только чистый художник, именно в «Отцах и детях» он почерпнул энергию своей многолетней борьбы с нигилизмом, но строки некролога диктовались враждой, необратимым идеологическим расхождением, символической кульминацией которого стало нежелание Тургенева ответить на примирительный жест Каткова на Пушкинском празднике. Первопричину инцидента убедительно объясняет И.Л. Волгин: «В эти июньские дни он испытывает небывалую растерянность. Это потом, через год-два, Катков настолько осмелеет, что, оказываясь порой большим католиком, чем папа, будет “громить” правительство справа и менять неугодных ему министров. Сейчас же, летом 1880 года реальная власть (вернее, влияние на реальную власть) ускользает из его рук. Не в силах предугадать истинные намерения правительства, он делается расчетливее и осторожнее, он предпочитает тактику выжидания» [1, с. 43]. Частью этой тактики и стала протянутая Тургеневу на торжественном обеде рука с бокалом шампанского, безответно застывшая в воздухе.

К личности и деятельности публициста и редактора М.Н. Каткова — в связи с изменениями политической конъюнктуры, да и независимо от этого — будут обращаться еще не раз.

Но попытка Сюзан Фуссо подтвердить претензию Каткова на роль «сверхавтора» [15, с. 98] всех публикаций в «Русском вестнике», доказать его особое значение «в формировании концепции и процессе создания крупнейших русских романов» [15, с. 10] была заведомо обречена на провал.

Непрограммируемый феномен взлета и обильного плодоношения русской литературы второй половины XIX в. стал результатом многовеко-

вого собирания национальных творческих сил, литературных свершений Пушкина и его современников в первой половине XIX в., плодотворного влияния западной культуры и — индивидуальных творческих усилий-про-рывов, осуществленных гениально одаренными художниками. Творчество Тургенева, Достоевского, Толстого — это литература в литературе, каждый из них заново переосмыслял литературные каноны, создавал новые жанровые формы, тем самым прокладывая пути для русской и мировой литературы следующих эпох.

Список литературы

Исследования

- 1 Волгин И.Л. Завещание Достоевского // Вопросы литературы. 1980. № 6. С. 154–197.
- 2 Григорьев Ал. Искусство и нравственность // Григорьев Ал. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. С. 405–421.
- 3 Гроссман Л.П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.
- 4 Кантор В.К. Имперский европеизм, или Правда Михаила Каткова versus русское общество // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 13–41.
<https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-2-13-41>
- 5 Кантор В.К. М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. 1973. № 5. С. 173–212.
- 6 Неведенский С. Катков и его время. СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1888. 570 с.
- 7 Перевалова Е.В. «Не всякому виден труд редактора...»: Рецензия на новую книгу о М.Н. Каткове // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 232–253.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-232-253>
- 8 Подосокорский Н.Н. Михаил Катков — издатель Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 239–252.
<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-239-252>
- 9 Ребель Г.М. Базаров и Раскольников: Слово — идея — масштаб личности // Русская литература. 2007. № 4. С. 3–31.
- 10 Ребель Г.М. Искушения русского романа: «Накануне» И.С. Тургенева в свете добролюбовской интерпретации // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 202–222.
- 11 Ребель Г.М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: «Нестор-История», 2018. 376 с.
- 12 Ребель Г.М. Чехов как Базаров. Мировоззренческий и художественный аспекты тургеневской традиции // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 218–258.

- 13 Страхов Н.Н. Преступление и наказание. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0080.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
- 14 Фрай Н. Анатомия критики. Очерк первый. М.: Директ-Медиа. 2013. 69 с. URL: <https://www.directmedia.ru/book-36199-anatomiya-kritiki/> (дата обращения: 13.01.2025).
- 15 Фуссо С. Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого / пер. с англ. В. Полищук. СПб.: Библиороссика, 2023. 436 с. (Серия «Современная западная русистика»)

Источники

- 16 Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12: Письма. 1841–1848. 596 с.
- 17 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 18 <Любимов Н.А.> Михаил Никифорович Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н.А. Любимова. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч. 1889. № 39. 358 с.
- 19 Катков М.Н. Корень нашего нигилизма есть государственная измена // URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1866_korn_nashego_nigilizma.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
- 20 Катков М.Н. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_0080.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
- 21 Катков М.Н. Роман Тургенева и его критики // URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_0070.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
- 22 Катков М.Н. Тургенев. URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_1883_turgenev.shtml (дата обращения: 13.01.2025).
- 23 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- 24 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1982–наст. вр.

References

- 1 Volgin, I.L. "Zaveshchanie Dostoevskogo" ["Dostoevsky's Testament"]. *Voprosy literary*, no. 6, 1980, pp. 154–197. (In Russ.)
- 2 Grigor'ev, Ap. "Iskusstvo i npravstvennost'" ["Art and Morality"]. Grigor'ev, Ap. *Literaturnaia kritika*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967, pp. 405–421. (In Russ.)
- 3 Grossman, L.P. *Dostoevskii [Dostoevsky]*. 2nd ed., rev. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1965. 608 p. (In Russ.)

- 4 Kantor, V.K. "Imperskii evropeizm, ili Pravda Mikhaila Katkova versus russkoe obshchestvo" ["Imperial Europeanism, or the Truth of Mikhail Katkov versus Russian Society"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2019, pp. 13–41. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-2-13-41> (In Russ.)
- 5 Kantor, V.K. "M.N. Katkov i krushenie estetiki liberalizma" ["M.N. Katkov and the Collapse of the Aesthetics of Liberalism"]. *Voprosy literatury*, no. 5, 1973, pp. 173–212. (In Russ.)
- 6 Nevedenskii, S. *Katkov i ego vremia* [Katkov and His Time]. St. Petersburg., Tipografiia A.S. Suvorina Publ. 1888. 570 p. (In Russ.)
- 7 Perevalova, E.V. "'Ne vsiakomu viden trud redaktora...': Retsenziia na novuiu knigu o M.N. Katkove" ["'Not Everyone Can See the Work of an Editor...': Review of a New Book About M.N. Katkov"]. *Dva veka russkoi klassiki*, no. 1, vol. 6, 2024, pp. 232–253. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-232-253/> (In Russ.)
- 8 Podosokorskii, N.N. "Mikhail Katkov — izdatel' F.M. Dostoevskogo" ["Mikhail Katkov, Publisher of Fyodor Dostoevsky"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (25), 2024, pp. 239–252. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-239-252> (In Russ.)
- 9 Rebel', G.M. "Bazarov i Raskol'nikov: Slovo — ideia — masshtab lichnosti" ["Bazarov and Raskolnikov: Word — Idea — Scale of Personality"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2007, pp. 3–31. (In Russ.)
- 10 Rebel', G.M. "Iskusheniia russkogo romana: 'Nakanune' I.S. Turgeneva v svete dobroliubovskoi interpretatsii" ["Temptations of the Russian Novel: I.S. Turgenev's 'On the Eve' in Light of Dobrolyubov's Interpretation"]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2006, pp. 202–222. (In Russ.)
- 11 Rebel', G.M. *Turgenev v russkoi kul'ture* [Turgenev in Russian Culture]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2018. 376 p. (In Russ.)
- 12 Rebel', G.M. "Chekhov kak Bazarov. Mirovozzrencheskii i khudozhestvennyi aspekty turgenevskoi traditsii" ["Chekhov as Bazarov. Ideological and Artistic Aspects of the Turgenev Tradition"]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2018, pp. 218–258. (In Russ.)
- 13 Strakhov, N.N. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Available at: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0080.shtml (Accessed 13 January 2025). (In Russ.)
- 14 Frai, N. *Anatomiia kritiki. Ocherk pervyi* [Anatomy of Criticism. Essay One]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2013. 69 p. Available at: <https://www.directmedia.ru/book-36199-anatomiya-kritiki/> (Accessed 13 January 2025). (In Russ.)
- 15 Fusso, S. *Katkov. Izdatel' Turgeneva, Dostoevskogo i Tolstogo* [Katkov. Editing Turgenev, Dostoevsky and Tolstoy], trans. from English by V. Polishchuk. St. Petersburg, Bibliorossika Publ., 2023. 436 p. (In Russ.)